

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-4-37-52

УДК 94(47).084

**Образовательные стратегии молодежи в СССР
в 1950–1960-е годы**

Галина Михайловна ИВАНОВА

Институт российской истории Российской академии наук

г. Москва, Россия

ivanovagal@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3784-5619>

Аннотация: *Введение.* В настоящее время в Российской Федерации реализуется государственная молодежная политика, цель которой создать необходимые условия для самореализации молодежи и ее активного включения в общественные процессы. В этой связи актуализируется задача изучения исторического опыта СССР в сфере реализации государственной молодежной политики в 1950–1960-е годы, когда интересы и потребности молодежного социума стали впервые широко учитываться при реализации программ социально-экономического развития, в том числе и в сфере образования. В статье анализируются условия, причины и последствия выбора молодыми людьми образовательных стратегий, выявляется взаимосвязь между материальными возможностями общества и социальными устремлениями молодежи.

Источники и методы. Данная проблема рассматривается под углом зрения социальной истории, в рамках концепции «социалистического государства благосостояния». Исследование базируется на архивных материалах из фондов ГА РФ, РГАНИ, РГАСПИ.

Анализ. Образовательные возможности молодежи в начале 1950-х годов были существенно ограничены низким качеством образования, его частичной платностью; доминированием в системе школьного образования неполной средней школы-семилетки; ограниченным числом учебных заведений, ведущих профессиональную подготовку на базе полной средней школы; слабым развитием вечерних и заочных форм обучения. Одним из главных отрицательных факторов при выборе образовательных стратегий был низкий уровень жизни.

Выводы. Реализация новой социальной политики способствовала повышению материальных возможностей населения, открыла доступ к высшему и среднему образованию широким слоям молодежи. Среди важнейших предпосылок свободного выбора образовательных стратегий были отмена платы за обучение, расширение сети школ-десятилеток, повышение качества образования, повсеместное распространение форм обучения без отрыва от производства.

Ключевые слова: молодежная политика, образование в СССР, среднее и высшее образование, обучение без отрыва от производства

Для цитирования: Иванова Г.М. Образовательные стратегии молодежи в СССР в 1950–1960-е годы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Том. 13, № 4. С. 37-52.

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-4-37-52

Original article

Educational strategies of youth in the USSR in the 1950s–1960s

Galina M. IVANOVA

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

ivanovagal@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3784-5619>

Abstract: Introduction. Currently, the Russian Federation is implementing a state youth policy, the goal of which is to create the necessary conditions for self-realization of youth and their active inclusion in social processes. In this regard, the task of studying the historical experience of the USSR in the field of implementing state youth policy in the 1950s–1960s is actualized. At that time the interests and needs of youth began to be widely taken into account for the first time in the implementation of socio-economic development programs, including in the field of education. The article analyzes the conditions, causes and consequences of the choice of educational strategies by young people, reveals the relationship between the material capabilities of society and the social aspirations of young people.

Sources and Methods. This problem is viewed from the point of view of social history, within the framework of the concept of "socialist welfare state". The research is based on archival materials from the collections of GA RF, RGANI, RGASPI.

Analysis. The educational opportunities of young people in the early 1950s were significantly limited by the low quality of education, its partial payment; the dominance in the school system of the incomplete seven-year secondary school; a limited number of educational institutions providing vocational training on the basis of a complete secondary school; poor development of evening and distance learning. One of the main negative factors in the choice of educational strategies was the low standard of living.

Conclusions. The implementation of the new social policy helped to increase the material capabilities of the population, opened access to higher and secondary education for a wide range of young people. Among the most important prerequisites for the free choice of educational strategies were the abolition of tuition fees, the expansion of the network of ten-year schools, the improvement of the quality of education, and the widespread dissemination of forms of on-the-job training.

Keywords: youth policy, education in the USSR, secondary and higher education, on-the-job training

For citation: Ivanova, Galina M. Educational strategies of youth in the USSR in the 1950s–1960s. Historical and Social-Educational Idea. 2021 Vol. 13, No.4. PP. 37–52. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-4-37-52

Введение. В 2014 г. Правительство Российской Федерации утвердило «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Была определена система принципов, приоритетных задач и механизмов, обеспечивающих реализацию государственной молодежной политики. В документе, в частности, отмечается: «Глобальные тенденции убедительно доказывают, что стратегические преимущества будут у тех государств, которые смогут эффективно и продуктивно использовать инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь. Молодежь России как наиболее восприимчивая и мобильная часть социума поддерживала прогрессивные реформы и претворяла их в жизнь. Патриотические устремления молодежи развивали науку и промышленность, обеспечившие рост экономики и улучшение качества жизни» [1, ст. 7185].

Механизмы реализации государственной молодежной политики предусматривают, в частности, совершенствование условий для осуществления образовательного процесса при получении молодыми людьми среднего, высшего и профессионального образования. Повышенное внимание руководства страны к молодежному социуму актуализирует задачу изучения исторического опыта СССР в сфере реализации государственной молодежной политики в 1950–1960-е годы, то есть в период наиболее активных социальных трансформаций, затронувших все слои общества, и в первую очередь молодое поколение.

В качестве объекта исследования в работе выступает молодежь Советского Союза в 1950–1960-е годы, предметом исследования являются ее образовательные стратегии. Цель работы – изучить условия, причины и последствия выбора молодыми людьми тех или иных образовательных стратегий, выявить взаимосвязь и взаимозависимость между образовательными возможностями общества и социальными устремлениями молодежи.

Теоретическая новизна исследования заключается в том, что автор рассматривает данную проблему под углом зрения социальной истории, в рамках концепции «социалистического государства благосостояния». К началу 1960-х годов в Союзе ССР в результате смены политического курса изменилось «социальное лицо» общества, а интересы и потребности молодежного социума стали впервые широко учитываться при реализации программ социально-экономического развития, в том числе и в сфере образования. Исследование ведется преимущественно на новом архивном материале в русле познавательных стратегий социальной истории на основе метода критической интерпретации источников с использованием средств концептуального анализа.

Источниковую базу исследования составляют материалы следующих архивов и архивных фондов: ГА РФ (Ф. 2306. Министерство просвещения РСФСР), РГАНИ (Ф. 2. Пленумы ЦК КПСС; Ф. 5. Аппарат ЦК КПСС, Ф. 52. Личный фонд Н.С. Хрущева), РГАСПИ (Ф. 556. Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Отдел науки, школ и культуры). Широкий круг архивных источников дополнен опубликованными документами высших органов власти, статистическими мате-

риалами, результатами социологических обследований, а также мемуарами и другими источниками.

Территориальные рамки исследования включают весь Советский Союз, но основное внимание при раскрытии темы сосредоточено на изучении молодежи, проживавшей на территории РСФСР.

Исследуемый хронологический период отмечен в историографии важной для данного исследования качественной характеристикой. На основе анализа социальной статистики и данных социологических исследований специалист в области истории, философии и социологии А.Л. Андреев обосновывает вывод, что «применительно к Советскому Союзу 1960-х годов можно, по-видимому, говорить о качественной трансформации социума. ...Речь может идти о становлении особого типа социальности – “общества образования”» [2, с. 114].

Андреев анализирует проблему выбора образовательной стратегии, соответствующей национальной традиции и социокультурным особенностям российского общества, исследует воздействие образования на динамику социальных изменений в дореволюционной России и СССР. Согласно концепции Андреева, смысловым стержнем развития России в XX веке было формирование «общества образования» [3].

В последние два десятилетия в российской историографии наблюдается повышенный интерес к истории советского образования и вопросам молодежной политики в СССР, что обусловлено особым вниманием государства к этим проблемам. Одобренная Правительством Российской Федерации в 2001 г. «Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года» стимулировала появление ряда работ, посвященных различным аспектам развития образовательной системы, в том числе и в исследуемый период [4; 5; 6].

Разработка Правительством РФ в 2014 г. «Основ государственной молодежной политики» способствовала появлению новых исследований по проблемам молодежной политики в СССР [7; 8; 9].

Устойчивый интерес российские исследователи проявляют к истории советского студенчества [10; 11; 12].

В качестве приоритетных выступают темы, характеризующие идейно-политические установки молодежного социума, неформальные движения в студенческой среде, приобщение молодежи к достижениям науки и техники, роль комсомола в трудовом воспитании молодого поколения и др. Проблема выбора молодыми людьми тех или иных образовательных стратегий не являлась предметом специального исследования. На восполнение этого историографического пробела и направлена данная работа.

Заканчивая вступительную часть исследования, хочется напомнить читателю слова российского философа-педагога С.И. Гессена, который еще в начале прошлого века заметил: «Вряд ли кто будет оспаривать, что цели образования тесно связаны с целями жизни данного общества. Жизнь определяет образование, и обратно – образование воздействует на жизнь» [13, с. 41].

Анализ. Одной из важнейших предпосылок свободного выбора образовательных стратегий стала отмена в 1956 г. платы за обучение, введенной в 1940 г. постановлением СНК СССР «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначения стипендий». Плата за обучение в VIII, IX и X классах средних школ и в высших учебных заведениях вводилась с 1 сентября

1940 г. в размере 200 руб. в год в школах Москвы, Ленинграда и столичных городов союзных республик и 150 руб. в год во всех остальных городах и селах. Плата в таком же размере распространялась на учащихся техникумов, педагогических училищ и других специальных средних учебных заведений. В высших учебных заведениях, находившихся в Москве, Ленинграде и столицах союзных республик, размер годовой платы составлял 400 руб., в вузах других городов – 300 руб. В художественных, театральных и музыкальных высших учебных заведениях плата составляла 500 руб. в год. Плата за заочное обучение в средних и высших учебных заведениях взималась в половинном размере. Рассчитывать на стипендию студенты и учащиеся техникумов могли только в случае проявления «отличных успехов» [14, ст. 637]

Негативное влияние фактора платности проявлялось не только в том, что далеко не все семьи имели возможность оплачивать учебу юношей и девушек. Платное образование вредило имиджу советской образовательной системы, о преимуществах и успехах которой много говорили и писали во всем мире. Советские делегации работников просвещения, выезжавшие по приглашениям иностранных общественных организаций за рубеж, неизменно сталкивались с необходимостью отвечать на вопросы о платном образовании в СССР. По предварительным расчетам отмена платы за обучение в средних и высших учебных заведениях требовала выделения из государственного бюджета дополнительных средств в сумме не менее 1 млрд руб., но мнение членов Президиума ЦК КПСС было единодушным: «В принципе одобрить» [15, с. 65].

После отмены платы за обучение в Конституцию СССР в статью об образовании были внесены необходимые поправки. Теперь статья 121 гласила: право граждан СССР на образование обеспечивается «...бесплатностью всех видов образования, как среднего, так и высшего, системой государственных стипендий отличившимся учащимся в высшей школе...». Так был сделан важный шаг на пути к свободному выбору молодежью своих образовательных стратегий.

В связи с осуществлением всеобщего семилетнего и расширением среднего образования в стране быстро росла сеть семилетних и особенно средних школ. Так, если в 1950/51 учебном году в СССР имелась 14961 средняя школа, то в 1955/56 учебном году уже было 26863 средние школы (прирост школ составил 11902). Число учащихся VIII–X классов увеличилось соответственно с 1496 тыс. человек до 5253 тыс. (прирост учащихся составил 3757 тыс. человек) [Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.556. Оп.16. Д.4. Л.153]. Однако увеличение числа школ и учащихся само по себе еще не решало проблему образования и устройства молодежи в жизни. Простые советские граждане и должностные лица неоднократно «сигнализировали» в ЦК партии о серьезном неблагополучии с всеобщим обучением. Так, в коллективном письме работников просвещения, поступившем в мае 1954 г. на имя заместителя председателя Совета министров СССР Н.А. Булганина, резко критиковалась вся система школьного образования: «В народе недовольство тем, что средняя общеобразовательная школа не готовит молодежь к жизни. Кончишь ее и некуда идти на работу. Нет специальности. В вуз? Всех не принимают. А техникумов мало. Такая школа теряет теперь авторитет» [Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф.5. Оп.18. Д.55. Л.166].

Наиболее серьезной проблемой школьного обучения был отсев учащихся по различным причинам. В целом по Советскому Союзу за 1953/54 учебный год

из I–VII классов выбыло 1 323 тыс. учащихся, в том числе из городских школ – 430 тыс. и из сельских – 893 тыс. учащихся [РГАНИ. Ф.5. Оп.18. Д.66. Л.32–33]. Аналогичная картина наблюдалась и по школам рабочей молодежи, там отсеб составлял от 15 до 29 % от общей численности учащихся [Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф.2306. Оп.72. Д.4439. Л.24–26].

В 1954/55 учебном году Министерство государственного контроля СССР провело в ряде союзных республик проверку осуществления всеобщего семилетнего обучения. Проверкой было установлено, что во всех республиках большое количество подростков не посещает школы вследствие материальной необеспеченности и ухода на работу в колхозы, предприятия и личное хозяйство родителей, то есть проблема выбора образовательных стратегий устранялась для значительной части молодежи необеспеченностью семьи и острой материальной нуждой.

Несколько особое положение сложилось в республиках Средней Азии. Здесь, как отмечалось в докладе министра государственного контроля СССР В.Г. Жаворонкова, «в силу наличия остатков феодально-байского отношения к женщине особенно неудовлетворительно обстоит дело с обучением девочек. <...> Одной из основных причин слабого охвата семилетним обучением девочек местных национальностей и значительного отсева их из школ являются препятствия со стороны родителей и выдача замуж несовершеннолетних девочек» [РГАНИ. Ф.5. Оп.18. Д.66. Л.11]. По словам министра, часто на ученицах женились представители местной партийной, советской и судебной элиты, причем женились без официальной регистрации брака, так как девочки были несовершеннолетними. Нередко случалось, что через короткий промежуток времени мужа выгоняли их из дома, такие случаи отмечались, например, в Киргизии, Узбекистане. Иногда девочки из-за слишком раннего замужества не получали даже начального образования.

В числе важнейших причин неудовлетворительного положения дел с всеобщим обучением в докладе назывались также крайне слабая учебно-материальная база школ и острый недостаток квалифицированных учительских кадров, особенно в Эстонской и Литовской республиках.

Осенью 1954 г. в стране явственно обозначился кризис снабжения. Со всех концов Советского Союза ежедневно в ЦК КПСС поступали многочисленные письма граждан с жалобами на тяжелые материальные условия в связи с ухудшением снабжения продовольственными товарами. Вот, например, что писала Н.С. Хрущеву сотрудница Новочеркасского политехнического института: «Сил больше нет молчать о том тяжелом положении, в котором живут наши советские люди. <...> В нашем Институте Новочеркасском политехническом осмотрели 1200 студентов и 250 из них имеют очаги в легких. Детей жалко, что они бедные растут и всегда лишены даже самого необходимого. <...> Пишу и плачу, уж больно жаль мне, как детишки растут, как студенты впроголодь по 15-16 часов в день занимаются, стипендию получают 140 руб. в техникуме, а 300 руб. в институте, а купить на нее нечего» [РГАНИ. Ф.5. Оп.30. Д.135. Л.7]. Нехватка продовольствия в СССР усугублялась в середине 1950-х годов безработицей. Находясь в тяжелейшем материальном положении, школьницы сестры С. и Н. Галактионовы из Свердловска обратились за помощью в Президиум Верховного Совета СССР: «...Просим помочь в устройстве нашей мамы на работу. Но вот идет уже 6-й месяц, а результатов нет никаких. В настоящее время нам не в силах становится жить. Наша мама за это время продала все свои последние

вещи, которые были нажиты долгие годы для того, чтобы прокормить нас, так как других средств взять ей неоткуда, она воспитывала и кормила нас только на те средства, которые зарабатывала. Мы вынуждены бросить учебу, но нам этого не хочется, так как наша мама безграмотная, а нам хочется быть образованными, чтобы впоследствии быть полезными строителями коммунизма и отблагодарить наше правительство за то, что нам дали образование. Как нам быть?» [РГАНИ. Ф.5. Оп.30. Д.185. Л.30-31].

Одним из главных факторов, отрицательно влиявших на выбор образовательных стратегий молодежи, был уровень материального благосостояния населения. Существовавший в советском обществе в первой половине 1950-х годов уровень потребления минимальных жизненных благ (питание, одежда, жилищные условия, отдых) позволяет говорить об абсолютной бедности основной части населения. В этих условиях широким слоям советской молодежи было по объективным причинам явно не до учебы.

Со второй половины 1950-х годов советское государство приступило к реализации новой социальной политики, приоритетными направлениями которой стали восстановление социальной справедливости, минимизация социального неравенства и повышение реальных доходов малообеспеченных слоев населения [подробнее см.: 16].

Эти изменения самым непосредственным образом отразились на советской образовательной системе, так как материальное положение и учащихся, и учителей заметно улучшилось, вследствие чего уменьшился отсев учащихся из школ, сократилась текучесть педагогических кадров.

В послевоенный период усилия государства были направлены на то, чтобы существенно повысить уровень общеобразовательной подготовки учащихся, создать выпускникам средних школ условия для свободного выбора профессии. Овладев основами наук, они должны были иметь образовательную базу, достаточную для продолжения обучения в вузах. До начала 1950-х годов практически все выпускники средних школ СССР имели возможность стать студентами дневных отделений вузов. Однако начиная с 1952 г. положение изменилось – число выпускников школ-десятилеток стремительно росло, а количество мест в вузах увеличивалось незначительно. В 1953 г. из 10-х классов средних школ всех союзных республик было выпущено 470 тыс. учащихся, а в вузы было зачислено около 261 тыс. человек. В 1954 г. выпуск из средних школ составил около 880 тыс. человек, а прием в вузы – 266 700 человек [РГАНИ. Ф.5. Оп.18. Д.36. Л.183; ГА РФ. Ф.2306. Оп.72. Д.3524. Л.152]. Конкурсы в вузы были еще относительно небольшими, и успешно сдать вступительные экзамены подготовленному выпускнику хорошей школы не составляло особого труда. Такая ситуация позволила качественно улучшить состав студентов. В конечном счете эти изменения способствовали становлению в СССР того особого типа социальности – «общества образования», о котором говорилось в начале статьи.

Конечно, далеко не все вчерашние десятиклассники имели возможность и желание продолжать учебу в высших учебных заведениях. Часть выпускников средних школ устроились на работу в сферу обслуживания, промышленность и сельское хозяйство. Заместитель министра просвещения РСФСР Л.В. Дубровина с оптимизмом по этому поводу отмечала: «Для страны создается совершенно небывалая, исключительно благоприятная ситуация – будут расти культурные кадры, которые будут пополнять рабочий класс и колхозное крестьянство» [ГА РФ. Ф.2306. Оп.72. Д.3738. Л.17].

Однако на практике многие юноши и девушки, окончившие школы-десятилетки, не могли самостоятельно трудоустроиться и длительное время оставались на иждивении родителей. Немало было и тех, которые устраивались на временную работу чернорабочими, жили надеждой – поступить в вуз в следующем году [РГАНИ. Ф.5. Оп.18. Д.56. Л.1].

Далеко не все выпускники средних школ, поступавшие в институты и университеты, стремились к получению высшего образования. Для многих молодых людей первостепенное значение имел вопрос получения специальности и последующего трудоустройства. Но, как выяснилось, в СССР профессиональную подготовку лиц, получивших полное среднее образование, осуществляли только вузы. Вся система начального и среднего профессионального образования в стране строилась на базе неполной средней школы-семилетки. Именно поэтому вопрос профессиональной подготовки и трудоустройства большого числа выпускников средних школ приобрел в 1950-е годы чрезвычайную остроту.

Для решения проблемы предлагалось перевести часть техникумов с базы семилетней школы на базу средней школы-десятилетки, срок обучения при этом сокращался с четырех до двух с половиной лет. В некоторых техникумах стали создаваться специальные группы с укороченным сроком обучения. Техникумы на базе десятилетки пользовались у выпускников средних школ повышенным спросом, о чем свидетельствовала статистика приемов в некоторые из них. Так, в 1953 г. в техникумы Министерства металлургической промышленности было подано около 5000 заявлений на 2610 мест. В техникумы Министерства финансов СССР поступило 3271 заявление на 1050 мест, в техникумы Министерства угольной промышленности – 11 500 заявлений на 10 000 мест, в техникумы Министерства нефтяной промышленности – более 4000 заявлений на 2580 мест [РГАНИ. Ф.5. Оп.18. Д.36. Л.260]. Однако путь в техникумы с ускоренным сроком обучения был практически закрыт для юношей, подлежавших призыву на военную службу, поскольку Министерство обороны СССР отказывалось предоставлять отсрочку учащимся средних специальных учебных заведений.

Значительная часть молодежи с пролетарскими и крестьянскими корнями охотно шла в реорганизованные ремесленные училища. В августе 1954 г. Совет министров СССР принял постановление «Об организации производственно-технической подготовки молодежи, окончившей среднюю школу, для работы на производстве». На основании этого постановления началось создание технических училищ, которые готовили высококвалифицированных рабочих и младший технический персонал. Технические училища способствовали успешному вовлечению выпускников средних школ в производство. Сельская молодежь со средним образованием получила возможность поступать также в училища механизации сельского хозяйства [17, с. 250, 319].

Не имея возможности самостоятельно справиться с трудной жизненной ситуацией, молодые люди направляли в адрес высшего руководства страны многочисленные письма. «В 1956 г. я окончила 10 классов, – писала К.Е. Ворошилову 17-летняя жительница Белгородской области, сирота, Зинаида Зайцева. – Правда, окончила я на тройки. А почему? Потому что у меня были очень плохие условия. Зимой я жила в не отапливаемой комнате, полуголодная. Иной раз даже совсем голодная. После окончания школы я решила поступить учиться в Шуйскую профтехшколу портных. В школу меня не приняли... Помогите мне, пожалуйста, где-нибудь устроиться. Я уж не прошу в институт или в техникум. <...>

Помогите мне где-нибудь поступить, чтобы получить какую-нибудь специальность» [РГАНИ. Ф.52. Оп.1. Д.350. Л.106].

Многие письма содержали коллективные просьбы. Так, две подруги, окончившие 10 классов в 1956 г., просили помочь им устроиться в техническое училище в городе Губкине Белгородской области. «Мы круглые сироты, – писали девушки, – учиться в вузе мы не имеем возможности, получить специальность мы могли бы только в техническом училище» [РГАНИ. Ф.52. Оп.1. Д.350. Л.130]. По их словам, они хотели стать «высококвалифицированными рабочими».

Молодежь из российской глубинки стремилась, прежде всего, получить специальность, чтобы иметь возможность работать. Иные устремления имела столичная молодежь. Вот как характеризовал, например, образовательные стратегии своих одноклассников учащийся 186-й мужской школы Коминтерновского района Москвы Лецкий: «Среди всех ребят существует такое мнение, чтобы после десятого класса обязательно поступить в высшее учебное заведение. И чтобы не поступать в вуз, а идти работать – об этом даже и разговора нет. Это связано с тем, что у нас в школе все годы абсолютное большинство ребят поступало в вузы. <...> Вопрос о том, чтобы после школы идти куда-нибудь на работу или поступать в техникум или в другие учебные заведения – этот вопрос просто даже не вставал, об этом даже и разговора нет среди ребят». Ему вторила учащаяся 610-й женской школы Щербаковского района г. Москвы Цикурина: «У многих учащихся настроение такое, что если они не попадут в институт, то это крушение в жизни. Почти все хотят попасть в институт, и мало кто хочет идти после десятилетки в техникум или на производство». Иной подход к образованию демонстрировали те, кто окончил школу в предыдущие годы и, не поступив в вуз, был вынужден пойти работать на производство. Своим опытом трудоустройства и образовательной стратегией поделилась со сверстниками бывшая выпускница 556-й школы Москворецкого района Москвы Парусникова: «...Поступала в педагогический институт, но не прошла по конкурсу, поэтому мне пришлось идти работать. ...Через месяц я попала в комбинат Трехгорной мануфактуры. ...При комбинате у нас имеется свой техникум и вечерний институт, – я уже сдала экзамены в вечерний институт. Я даже довольна, что у меня все так сложилось» [ГА РФ. Ф.2306. Оп.72. Д.3738. Л. 90, 88]. По ее мнению, ничего страшного нет в том, что окончивший школу-десятилетку не поступил в институт, и оснований для плохих настроений тоже нет. Вполне можно учиться в вечернем или заочном вузе.

Справедливости ради стоит заметить, что далеко не все выпускники средних школ были подготовлены к продолжению учебы в высших учебных заведениях, но даже закоренелые троечники стремились поступить в институт, ведь в их аттестатах было записано: «Настоящий аттестат дает право его владельцу поступления в высшие учебные заведения Союза ССР». В 1950-е годы очень многие учащиеся не доходили до аттестата зрелости. Так, число учащихся, обучавшихся в X классе в 1958/59 учебном году, составляло 24% от числа учащихся, находившихся в I классе в 1949/50 учебном году. В 1962/63 учебном году в X классе обучались 908 тыс. человек, что составляло 27% от числа учащихся, обучавшихся в I классе в 1953/54 учебном году. В 1962 г. окончили школу и получили аттестат о среднем образовании 374 тыс. человек против 325 тыс. человек в 1952 г. (без окончивших школы рабочей и сельской молодежи) [РГАНИ. Ф.2. Оп.1. Д.627. Л.15об.–16].

Закон 1958 г. о перестройке школы предусматривал, что одним из типов учебных заведений, дающих полное среднее образование, являются вечерние (сменные) школы рабочей и сельской молодежи, где молодежь могла учиться без отрыва от производства. На начало 1962/63 учебного года в таких школах насчитывалось около 4 миллионов учащихся, что было в 2,3 раза больше, чем в 1952/53 учебном году. Особенно значительный рост численности учащихся в школах рабочей и сельской молодежи наблюдался в Украинской, Казахской, Литовской, Эстонской и Туркменской союзных республиках. Однако в работе этих школ имелись серьезные недостатки. Так, в 1962 г. из школ рабочей и сельской молодежи, включая заочное обучение, выбыло более одного миллиона учеников, что составило около 30% от общего числа учащихся. При этом из школ сельской молодежи выбыло 243 тыс. человек, или 37% от числа учившихся [РГАНИ. Ф.2. Оп.1. Д.627. Л.17].

В большинстве таких школ были весьма слабые учебно-материальные условия. Принято считать, что здесь в основном учились те, кто не имел материальной возможности, желания или способностей учиться в дневных общеобразовательных школах, где уровень преподавания, как правило, был значительно выше. Однако жизнь выдвигала такие условия, что некоторые ученики ради получения качественного образования выбирали парадоксальную образовательную стратегию: бросали дневную школу и переходили в вечернюю. Так, например, А.В. Виноградов, известный специалист в области теоретической физики, окончил в 1963 г. вечернюю школу рабочей молодежи. Его отец, академик РАН В.А. Виноградов, вспоминал об этом событии: «Осенью 1961 г. в обычных школах добавили лишний год обучения (11-й класс), а вечерние школы остались десятилетками. Андрей, не желая терять год, перешел в школу рабочей молодежи, пришлось ему и работать, и учиться. Это было не просто. Он много самостоятельно занимался физикой и математикой. Вступительные экзамены на физическом факультете Московского университета сдал успешно. Подготовка к вступительным экзаменам потребовала от Андрея больших усилий...» [18, с. 190].

В 1960 г. в СССР было 753 высших учебных заведения с числом студентов в них 2 267 тыс. человек (по всем видам обучения). Проведенный в 1959/60 учебном году ЦСУ СССР и Министерством высшего и среднего специального образования СССР учет социального состава студентов вузов показал, что к высшему образованию в основном стремились дети интеллигенции и служащих, у которых, как правило, было больше материальных возможностей для продолжения учебы. По социальному положению все учтенные студенты распределялись следующим образом: служащие или дети служащих – 58%, рабочие или дети рабочих – 28%, колхозники или дети колхозников – 12%. На дневных отделениях обучались 49% служащих, 31% рабочих, 18% колхозников. На вечерних отделениях соответственно – 51%, 46% и 2%. Среди заочников также преобладали дети служащих (72%), рабочих и колхозников было 20% и 6% соответственно. Аналогичная картина наблюдалась и в союзных республиках. В вузах РСФСР дети интеллигенции и служащих составляли свыше 60%. В вузах Москвы, где обучалось 427 тыс. студентов (или 19% от общей численности студентов), удельный вес интеллигенции и служащих составлял более 70%, рабочих – 27%, колхозников – около 2% [РГАСПИ. Ф.556. Оп.16. Д.75. Л.125–129].

Данный социальный состав студентов явно не устраивал руководителей Советского Союза, где, как считалось, власть принадлежала рабочим и крестьянам. Партийное руководство во главе с Н.С. Хрущевым настаивало на приори-

тетном приеме в вузы абитуриентов из среды рабочих и колхозников, наделяло их всевозможными преференциями и льготами. Некоторые вузы страны под давлением партийных чиновников, требовавших «улучшить социальный состав студентов», значительно увеличили прием рабочих и колхозников, отдавая предпочтение абитуриентам не со знаниями, а со стажем практической работы в промышленном и сельскохозяйственном производстве. Такая практика приема в вузы породила среди молодежи особую образовательную стратегию: многие стали стремиться не столько повысить свой уровень знаний, чтобы успешно сдать вступительные экзамены, сколько получить запись в трудовой книжке о необходимом производственном стаже, чтобы пройти в вуз вне конкурса. В 1962 г. среди студентов, принятых на дневные отделения высших учебных заведений, 59% (184 тыс. человек) составляли лица, имеющие стаж практической работы не менее двух лет [РГАНИ. Ф.2. Оп.1. Д.627. Л.19об.]. Следствием политики искусственного «орабочивания» состава студентов стало то, что вузы лишились достаточного количества хорошо подготовленных молодых людей, а это, в свою очередь, вело к снижению уровня высшего образования.

Поступить на дневное отделение высшего учебного заведения без льгот и привилегий становилось год от года все труднее. Так, в 1966/67 учебном году план приема в вузы на дневное обучение был установлен в количестве 404 тыс. человек, что превышало прием 1965 года на 34 тыс. человек. По сравнению с 1965 г. всего по стране было подано на 20–25% больше заявлений. В отдельных вузах конкурс составлял 6–7 человек на место. В целом по Союзу в 1966 г. было подано в среднем около трех заявлений на одно место. Не хватало поступающих только в вузах Литвы, Латвии и Эстонии. Министерство высшего и среднего специального образования СССР планировало направлять на учебу в эти республики тех абитуриентов, которые не прошли по конкурсу в вузы Москвы и Ленинграда [РГАНИ. Ф.5. Оп.58. Д.38. Л.99–102].

В принятом Верховным Советом СССР в 1958 г. Законе «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» подчеркивалась необходимость всемерного улучшения и расширения подготовки специалистов в высших учебных заведениях путем заочного и вечернего обучения. На дневных отделениях вузов началось обучение студентов на основе сочетания учебы с общественно полезным трудом.

Инициатор реформирования советской образовательной системы – Н.С. Хрущев – считал, что у государства «нет потребности в таком большом количестве студентов, да и слишком накладно это для государства», поэтому он предлагал приблизить высшее образование к производству, связать его с производством путем повсеместного введения вечернего и заочного обучения. Барьером между «тщеславным желанием получить образование и настоящей потребностью» Хрущев предлагал сделать платность образовательных услуг. Для руководителя государства главным было не наличие знаний и способностей у желающего получить высшее образование, а его «благонадежность». «Здесь должно учитываться не только одно желание поступающего в вуз, – убеждал своих соратников Хрущев, – но и оценка общественных организаций (профсоюза, комсомола), чтобы отбор был и по подготовленности, и по склонности, и по уверенности, что этот человек оправдает вложенные в него затраты, что он может быть действительно полезным инженером и техником» [РГАНИ. Ф.52. Оп.1. Д.349. Л.156].

В начале 1960-х годов численность обучающихся в высших учебных заведениях СССР без отрыва от производства составила 1 656 900 человек, или 56% от общего числа студентов. По расчетным показателям Госплана СССР, к 1970 г. число обучающихся без отрыва от производства должно было увеличиться до 2,7–2,9 млн человек. Количественному росту студентов-вечерников и заочников мешал их систематический отсев, в основном по причине плохой успеваемости. Ежегодно высшая школа теряла сотни тысяч студентов (по всем видам обучения), 77% всего отсева приходилось на долю вечерних и заочных отделений [РГАНИ. Ф.2. Оп.1. Д.627. Л.20].

Организационная структура высшего заочного образования имела в СССР свою специфику. В нескольких центральных заочных вузах обучались десятки тысяч студентов, тогда как в обычных вузах на заочных факультетах училось всего по несколько десятков человек. Например, контингент Всесоюзного заочного политехнического института составлял 41 000 человек, Всесоюзного заочного машиностроительного института – 19 300, Всесоюзного заочного энергетического института – 16 400, Всесоюзного заочного инженерно-строительного института – 21 400 человек [РГАСПИ. Ф.556. Оп.16. Д.74. Л.13]. В то же время заочное обучение в местных стационарных вузах было развито недостаточно, по этой причине многие студенты-заочники были вынуждены жить весьма далеко от места учебы. Всесоюзный заочный политехнический институт, например, имел в числе своих студентов юношей и девушек, проживавших от Норильска и Магадана до Кишинева и от Архангельска до Астрахани. На заочном факультете Уральского политехнического института учились студенты, проживавшие в Молдавии, а Новочеркасский политехнический институт имел среди своих студентов жителей Поволжья, Урала и Сибири.

Значительное число студентов, проживавших на Дальнем Востоке, училось в московских вузах. Такие студенты для выполнения лабораторных практикумов и сдачи экзаменов совершали длительные поездки в свои высшие учебные заведения. Поскольку студенты получали на производстве оплачиваемый отпуск, предприятие оплачивало также и дорожные расходы, для многих студентов-заочников учеба в московских вузах при таких благоприятных условиях была весьма и весьма привлекательным делом. Однако предприятиям, вынужденным отпускать одновременно на длительные сроки большое количество студентов для выполнения лабораторных работ и сдачи экзаменов, приходилось довольно тяжело, что в итоге отрицательно сказывалось на производственном процессе.

Студенты, не стремившиеся к дальним переездам, а также семейные, использовали возможности близлежащих дневных вузов. Они прикреплялись к местным институтам, где фактически и обучались. Случалось, что студенты-заочники проходили почти весь курс обучения в местном институте, формально числясь в каком-либо отдаленном заочном вузе. Заочные факультеты при дневных вузах начали массово создаваться только в конце 1950-х – начале 1960-х годов, поэтому молодежь, имевшая желание получить высшее образование без отрыва от производства, не имела другой возможности, кроме поступления в какой-либо московский заочный вуз. Большинство заочников стремились получить техническое образование. По мнению Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, успехи подготовки специалистов без отрыва от

производства носили в начале 1960-х годов «количественный характер и связаны с резким увеличением контингента студентов и созданием относительно широкой сети заочных и вечерних филиалов, факультетов и учебно-консультационных пунктов» [РГАСПИ. Ф.556. Оп.16. Д.74. Л.71]. Тем не менее высшее образование, полученное молодежью без отрыва от производства, несмотря на его довольно низкое качество, создавало значительный потенциал для роста производительности труда и экономического подъема в стране, способствовало позитивному настрою общества.

Выводы. Анализ образовательных стратегий молодежи показал, что в целом в СССР молодое поколение обладало высоким уровнем социального оптимизма, было весьма целеустремленным и достаточно самоуверенным. Однако выбор социальных стратегий далеко не всегда определялся личностными характеристиками юношей и девушек, значительно чаще он зависел от материальных условий или диктовался установленными правилами и ограничениями. Записанное в Конституции СССР «право на образование» понималось советской молодежью буквально, оно было стержнем всех устремлений в образовательной сфере. Значительная часть молодежи жила в трудных материальных и бытовых условиях. Многие молодые люди были лишены возможности получать не только высшее, но и среднее образование из-за отсутствия материальных средств, однако это не снижало весьма высокого позитивного эмоционально-психологического тонуса, зафиксированного социологическими опросами в молодежной среде [19, с. 189].

Главным приоритетом, ценностным ориентиром в 1950–1960-е годы для молодежи было образование. Его ценность признавалась в те годы практически всеми представителями молодого поколения, которые вырабатывали собственные образовательные стратегии, стремясь получить общее и профессиональное образование, чтобы в дальнейшем успешно реализовать свои социальные устремления, мечты и планы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ, 15.12.2014, № 50, ст. 7185.
2. Андреев А.Л. О модернизации образования в России. Историко-социологический анализ // Социологические исследования. – 2011. – № 9. – С. 111-120.
3. Андреев А.Л. К характеристике социально-исторического опыта России как «общества образования» // Высшее образование в России. – 2011. – № 12. – С. 95-105.
4. Пыжиков А.В. Реформирование системы образования в СССР в период «оттепели» (1953–1964 гг.) // Вопросы истории. – 2004. – № 9. – С. 95-104.
5. Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). – М., 2015.
6. Иванова Г.М. Советская школа в 1950–1960-е годы. – М., 2018.

7. Сымонович Ч. Оттепель и молодежь – российские ровесники войны в конце 1950-х – начале 1960-х гг. // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – СПб., 2015. – № 5. – С. 24-35.
8. Ручкин Б.А. Молодежь и общество: уроки истории. – М., 2016.
9. Александрова И.Н. Молодежная политика советского государства и эволюция ценностных ориентаций юношей и девушек во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Тамбов, 2018.
10. Будник Г.А. Общественно-политические настроения студенчества Центрального района России в документах государственных архивов (середина 1950-х – 1960-е годы). – Отечественные архивы. – 2003. – № 2. – С. 44-50.
11. Будник Г.А. Неформальное движение в вузах Российской Федерации в период «оттепели» // Известия высших учебных заведений. Сер.: Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 2. – № 2. – С. 93-99.
12. Герасимова О.Г. «Оттепель», «заморозки» и студенты Московского университета. – М., 2015.
13. Гессен С.И. Педагогические сочинения. – Саранск, 2001.
14. Сборник постановлений Правительства СССР. – М., 1940. – № 27.
15. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Стенограммы. – М., 2003.
16. Иванова Г.М. На пороге «государства всеобщего благосостояния». Социальная политика в СССР (середина 1950-х – начало 1970-х годов). – М., 2011.
17. Народное образование. – М., 1967.
18. Виноградов В.А. Мой XX век: воспоминания. – М., 2005.
19. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущёва, Брежнева, Горбачёва и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущёва. – М., 2001.

REFERENCES

1. Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 29.11.2014 № 2403-r «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy molodezhnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda». [Order of the Government of the Russian Federation of November 29, 2014 No. 2403-r "On Approval of the Fundamentals of State Youth Policy of the Russian Federation for the Period until 2025"] Sobraniye zakonodatel'stva RF, 15.12.2014, № 50, st. 7185. (In Russ.)
2. Andreyev A.L. O modernizatsii obrazovaniya v Rossii. Istoriko-sotsiologicheskiy analiz. [On the modernization of education in Russia. Historical and sociological analysis]. Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2011. № 9. P. 111–120. (In Russ.)
3. Andreyev A.L. K kharakteristike sotsial'no-istoricheskogo opyta Rossii kak «obshchestva obrazovaniya». [On the characterization of the socio-historical experience of Russia as a "society of education"] Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2011. № 12. P. 95–105. (In Russ.)
4. Pyzhikov A.V. Reformirovaniye sistemy obrazovaniya v SSSR v period «ottepeli» (1953–1964 gg.). [Reforming the education system in the USSR during the "thaw" (1953–1964)]. Voprosy istorii. 2004. № 9. P. 95–104. (In Russ.)

5. Ostrova utopii: Pedagogicheskoye i sotsial'noye proyektirovaniye poslevoynennoy shkoly (1940–1980-ye). [Islands of Utopia: Pedagogical and Social Design of the Post-War School (1940-1980s)]. M., 2015. (In Russ.)
6. Ivanova G.M. Sovetskaya shkola v 1950–1960-ye gody. [Soviet school in the 1950s – 1960s.]. M., 2018. (In Russ.)
7. Symonovich CH. Ottepel' i molodezh' – rossiyskiye rovesniki voyny v kontse 1950-kh – nachale 1960-kh gg. [Thaw and youth - Russian peers of the war in the late 1950s - early 1960s.]. Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy. SPb., 2015. № 5. P. 24–35. (In Russ.)
8. Ruchkin B.A. Molodezh' i obshchestvo: uroki istorii. [Youth and Society: History Lessons]. M., 2016. (In Russ.)
9. Aleksandrova I.N. Molodezhnaya politika sovetskogo gosudarstva i evolyutsiya tsennostnykh oriyentatsiy yunoshey i devushek vo vtoroy polovine 1950-kh – pervoy polovine 1960-kh gg. [Youth policy of the Soviet state and the evolution of value orientations of young men and women in the second half of the 1950s – the first half of the 1960s.]. diss. na soiskaniye uch. step. kand. ist. nauk. Tambov, 2018. (In Russ.)
10. Budnik G.A. Obshchestvenno-politicheskiye nastroyeniya studenchestva Tsentral'nogo rayona Rossii v dokumentakh gosudarstvennykh arkhivov (seredina 1950-kh – 1960-ye gody). [Social and political sentiments of the students of the Central region of Russia in the documents of the state archives (mid-1950s - 1960s.]. Otechestvennyye arkhivy. 2003. № 2. P. 44 – 50. (In Russ.)
11. Budnik G.A. Neformal'noye dvizheniye v vuzakh Rossiyskoy Federatsii v period «ottepeli». [Informal movement in the universities of the Russian Federation during the "thaw"]. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Seriya «Gumanitarnyye nauki». 2011. T. 2. № 2. P. 93–99. (In Russ.)
12. Gerasimova O.G. «Ottepel'», «zamorozki» i studenty Moskovskogo universiteta. [“Thaw”, “frosts” and students of Moscow University]. M., 2015. (In Russ.)
13. Gessen S.I. Pedagogicheskiye sochineniya. [Pedagogical essays] Saransk, 2001.
14. Sbornik postanovleniy Pravitel'stva SSSR. [Collection of decrees of the Government of the USSR.]. M., 1940. № 27. (In Russ.)
15. Prezidium TSK KPSS. 1954–1964. Stenogrammy. [Presidium of the Central Committee of the CPSU. 1954–1964. Transcripts]. M., 2003. (In Russ.)
16. Ivanova G.M. Na poroge «gosudarstva vseobshchego blagosostoyaniya». – Sotsial'naya politika v SSSR (seredina 1950-kh – nachalo 1970-kh godov). [On the threshold of the "welfare state".]. M., 2011. (In Russ.)
17. Narodnoye obrazovaniye [Public education]. M., 1967. (In Russ.)
18. Vinogradov V.A. Moy XX vek: vospominaniya. [My XX century: memories] M., 2005. (In Russ.)
19. Grushin B.A. Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushchova, Brezhneva, Gorbachova i Yel'tsina v 4-kh knigakh. Zhizn' 1-ya. Epokha Khrushchova. [Four Russian lives in the mirror of public opinion polls. Essays on the mass consciousness of Russians during the times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin in 4 books. Life 1st. The era of Khrushchev]. M., 2001. (In Russ.)

Информация об авторе: Иванова Галина Михайловна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3784-5619>
ivanovagal@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Ivanova Galina Mikhailovna, DSc in History, Chief Research Fellow.
The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3784-5619>
ivanovagal@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 20.07.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 09.08.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 20.08.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests